

Бежит дорога. Бежит, торопится неведомо куда.

Пылит по солнышку, а брызнет дождь — заблестит, будто заулыбается.

Птицей то вверх взмлет, к ветру, то скользнет вниз, прижмется к быстрой речке и ровно бы слушает ее журчанье, ее веселую песню о снегах и вольных горных вершинах.

А вдоль дороги бегут, кружатся в беге акации и клены, абрикосы и карагачи. Бегут навстречу степным просторам, горным теснинам, навстречу буйным восходам и тихим закатам.

Бежит дорога неизвестно куда, а вместе с нею, рядом с нею и все бегут, тоже неизвестно куда. Только бы бежать. И все скорее, скорее. Только бы не споткнуться, не остановиться.

У одного мосточка не вдоль дороги, а поперек ей встали в ряд пять тополей. Пять стройных пирамидальных тополей, словно бы пять удалых витязей.

У тополей, под горушкой, где струится, выбиваясь из-под могучей скалы, ручеек, стоит хатенка: чистенькая, белая, под камышовой крышей. В той хатенке живет древняя старуха Арина. Такая же древняя, как хатенка, такая же, как она, — чистенькая, белая.

Была когда-то Арина высокая, стройная и дородная, а теперь — сухая, сгорбленная, со слезящимися глазами цвета родниковой воды.

...В гражданскую, после долгой изнурительной сечи вернулся в хутор, вернулся к Арине, к своим малым сынам казак-батареец Степан Княгинин. Богатырского роста, он пришел на костылях, чтобы повидать свою Арину, четырех малых сынов и потом умереть в отчей халупе и быть похороненным под скалою у родника. И еще приковылял Степан в родной хутор, чтобы отдать жонке свой последний мужской жар, мужскую тоску по любви. И пусть бы тот жар, та неизбывная тоска остались после него на земле людям.

Умер Степан через три недели.

Арина понесла и родила пятого сына, назвала его Степаном.

Думали хуторские бабы, не сдюжит, надломится Арина под тяжкою ношей. Но ошиблись они. Добром, лаской, радостью своей да русской бабьей силой одолела все — вырастила сынов славными парнями, хорошими людьми.

Радоваться бы ей да радоваться теперь, да началась война. Ушли ее сыновья оборонять свою Россию.

Арина получила первой на Хуторе похоронку с фронта.

Не поверила писаному.

Надела праздничный жакет, новые ботинки и, высоко неся голову, покрытую черным полшалком, подгоняемая холодным ветром, пошла в

район.

Там ей сказали: правда, погиб ее сын геройски. И еще сказали, чтобы берегла похоронку как документ для получения пенсии за сына.

Последних слов не слышала Арина. Ни к чему они ей были.

Не заплакала она. Не умела. Только, когда брела обратно степной дорогой, боялась, подкосятся ноги, упадет она на сырую землю и не сможет подняться. Почувствовала — плечи стали тяжелыми и гнули, горбили спину.

Шла навстречу ветру, и ей казалось, вот-вот захлебнется жестким воздухом, а если и не захлебнется, так колючий ветер, набившись в грудь, застудит сердце, и оно остановится.

Сполз с головы полшалок и, подхваченный ветром, как подраненная дрофа, то припадая к пашне, то приподнимаясь над нею, поковылял в балку.

Ветер вырвал из руки похоронку. Вспорхнула она и улетела в небо, пропала во мгле.

Почудилось Арине, что это белым голубем вознеслась в царство божие душа сына.

Мать перекрестилась, сложила на груди руки и долго смотрела в темнеее небо.

Утром Арина посадила рядом с могилой Степана, неподалеку от родника, пирамидальный тополек.

...Весною пришлось посадить еще один...

...Еще...

В сорок четвертом, когда с трех топольков упали последние желтые листья, когда припорошило степь первым снегом и по утрам белым могильным холмом стал являться в заревом небе Эльбрус, Арине довелось рыть и четвертую яму.

Долбила она ломом, откалывала комья мерзлой земли, выбрасывала их из ямки, и ее заскорузлые руки не чувствовали холода. Спина у Арины уже плохо разгибалась. Чтобы легче было работать, она подостлала мешок и долбила, стоя на коленях.

Седые волосы выбивались из-под платка и мешали работать.

Не умела плакать Арина. И в этот раз не плакала, а просто горячие, крупные слезы падали из глаз на мерзлые комья и прожигали их.

Сажала Арина весною в своем огороде картошку, копалась в теплой душистой земле и думала, что убирать урожай они будут, наверно, вместе с сыном. Война-то пошла на убыль. Слышно, фашистов уже бьют в Берлине.

Что-то и спина у нее в тот день гнулась лучше, не хрустела, как прежде, не болела. И глаза ее вроде бы как к улыбке изготавились. Еще бы капельку радости, и запела бы тихонько, про себя уставшая от скорби седая женщина.

От калитки ее покликнула почтальонша. Посылку принесла. С фронта посылка.

«От Степушки, от последненького, от счастья моего посылка».

И труском, труском по набитой между грядок черной тропинке. Скорей, скорей!

«От сынушки, от родименького».

Посылка — небольшая, с рукавицу. Сверток, обшитый куском плащпалатки.

В хату пошла, чтобы не глазела почтальонша.

Ножницами вспорола шов, раскутала сверток... Нож...

Тяжелый нож с ручкой из красного дерева, в железных блестящих ножнах.

Письмо.

Командир разведроты писал, каким храбрым был сержант Степан Княгинин. Писал, что этим ножом он «снял» девятнадцать фашистских часовых. Уничтожил девятнадцать «псов». Степан посмертно представлен к званию Героя Советского Союза. Вечная слава и вечная память герою.

Писал старший лейтенант большими красивыми буквами. И большие фиолетовые кляксы.

А этот нож от имени всей роты он посылает на память о сыне ей, матери.

Прочла эти строки Арина и сомле-
ла. Сползла со стула на пол и замерла,
а потом вдруг забилась в рыдании.

Никогда не плакала Арина. Не
умела. Ни к чему оно русской бабе. Да и
сейчас рыдала она лишь потому, что
была в беспамятстве.

Может быть, она так бы и не
опамятовалась, может, не увидела
больше белого света, да пришла на тот
час сестра Глафира и отходила ее
ключевою водой.

Всю ночь проплакали сестры,
пожилые женщины, лежа на одной
кровати, как в далеком детстве.

Утром Арина принялась за при-
вычное дело — рыть ямку для тополя.
Для пятого.

Знала, что нельзя пересаживать
деревце, когда оно уже оделось в листву
— завянет оно, пропадет. Но что делать?
Надо.

Вырыла ямку. Потом пошла и
выкопала тополек. Пока несла его по
жаркому солнцу, завяли листочки. Она
шептала:

— Ничего, ничего, оживете. Так
надо. Оживете.

Села у стола, сложила на животе
руки и долго смотрела на нож. Смотрела,
как играло на нем солнце.

На красной рукоятке были какие-
то зарубки. Ну да — девятнадцать. Это
Степан отмечал. Он такой, ее Степан-
меньшой. Такой сильный и ловкий, как
две капли похожий на своего отца.
Похожий и статью, и твердостью
характера, и мужской, солдатской
везучестью.

Казалось ей, прикоснись она к
рукоятке, и услышит тепло руки сына, ее
жар...

Осторожно, чтобы не коснуться
смертоносного железа, Арина взяла его
вместе с полотном, в которое он был
завернут, вместе с письмом и понесла
перед собой, боясь споткнуться, боясь
уронить, будто нож мог взорваться.

Опустившись на колени, поло-
жила нож на дно ямки, присыпала его
немного землей и потом посадила
тополек с увядшими листьями.

Посадила, сделала хорошую лунку
под ним и наносила в нее холодной воды
из родника, который сторожил Степан-
старший.

Стоят поперек дороги пять топо-
лей. Уже четверть века стоят. Между
ними пробился из земли и растет шестой.
Он скоро будет им по плечо.

Каждый год девятого мая к Арине
приходят из хуторской школы с
учительницей дети.

Арина одевается в черное с белым,
встречает ребятишек у калитки, ведет в
хату и угощает чаем с пряниками.

Они читают ей стихи про войну,
про победу, про доблесть. Потом они все
вместе идут к роднику, к тополям и поют
под баян песни про барабанщика, о
голубях...

Арина слушает их, но никто не
знает, слышит ли?

А однажды первоклашка Оля
спросила у учительницы:

— Эта бабушка живая?

Учительница не нашлась, что от-
ветить.

Бежит дорога, бежит, торопится
мимо тех тополей.